

Tamara Gonczarowa
↓
Конвенциональные цветообозначения
(наименования природных классов,
↓
продуктов питания)

Цветообозначение, возможно, в большей степени, чем какая-либо другая сфера языка, антропоцентрично и этноцентрично. В восприятии цвета немало оценочных моментов и аксиологичность цветообозначения существует в этнолингвистически отмеченном пространстве.

Когнитивные процессы, в которых задействованы имена цвета, базируются не на онтологии цвета или знании его физической субстанции, а на уникальной конфигурации социально, этнически и ментально осознанной и оязыченной цветосимволики, ее непосредственной связи с историей и культурой народа.

Проблема конвенциональности цвета рассматривается с точки зрения такого конструкта, как языковая картина мира.

Приведем определение языковой картины мира Ренаты Гжегорчиковой:

«Языковая картина мира – это понятийная структура, характерная для данного языка, с помощью которой люди, говорящие на данном языке, видят (классифицируют, интерпретируют) мир» (Grzegorzczukowa 1990: 48, цит. по Кульпина 2001: 50).

Как подчеркивает Р. Гжегорчикова, семантические коннотации,

«возникшие как результат опыта и переживания людей, приводят к тому, что языковые высказывания очень часто воспринимаются субъективно, вне соответствия с намерениями отправителя сообщения, вызывая у получателя серию незапланированных отправителем ассоциаций» (Grzegorzczukowa 2000: 48, цит. по Кульпина 2001: 50).

Когнитивные аспекты цвета среди других аспектов семантики предметных имен затрагиваются Е. В. Рахилиной в монографии

Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость (Рахилина 2000: 169-190), в которой автор отмечает, что

«наиболее свободно в отношении к цветовому спектру ведут себя артефакты... Ограничения же на употребление прилагательных цвета обычно связывают с теми случаями, когда прилагательное приобретает видообразующую функцию» (Рахилина 2000: 175).

Здесь же указаны условия, при которых цветообозначение можно считать конвенциональным. Во-первых, конвенциональные названия цвета, в отличие от свободных цветообозначений, выполняют видообразующую функцию, то есть, называют разные виды объектов (например, *белое* вино, *красное* вино), а не объекты одного вида, противопоставленные по цветовому признаку (*белая* чашка, *красная* чашка). Во-вторых, целью употребления подобных цветообозначений, или названий цвета (НЦ), является не передача визуальных ощущений, а отражение представлений, сложившихся в «наивной» языковой картине мира, согласно которым каждый цвет ассоциируется с определенным рядом объектов или символизирует определенный ряд свойств. Языковая картина здесь выглядит так, что наши представления об этих объектах конвенциональны, следовательно, встроены в семантику лексемы. Данные конвенциональные представления отражаются в конвенциональных названиях цветов. В-третьих, словосочетания, в которых фигурируют конвенциональные цветообозначения, являются устойчивыми и не варьируют.

Рассмотрим, какие цветообозначения употребляются при описании флоры, фауны и неживой природы, а также в описаниях продуктов, и какова наивная семантика подобных НЦ в русском, украинском и английском языках. Нас интересует также, существуют ли в сознании носителей языка представления о каких-то эталонных для конкретного цвета объектах или их характерных свойствах.

Прежде всего рассмотрим русские и украинские названия животных в сочетании с прилагательными цвета. Среди них есть устойчивые сочетания, фактически те же фразеологизмы: *желтый* цыпленок (*жовте* курча), *розовый* поросенок (*рожеве* поросся), *зеленый* крокодил (*зелений* крокодил), *зеленая* лягушка (*зелена* жаба), *серый* волк (*сірий* вовк), *рыжая* лиса (*руда* лисиця). С другой стороны, подавляющее большинство известных нам названий животных

«...вообще не могут участвовать в атрибутивной конструкции с прилагательными цвета, т.е. как бы не имеют никакого цвета с точки

зрения русского языка. Так, пользуясь атрибутивной конструкцией мы не сможем указать цвет оленя, лося, кенгуру, страуса, барсука, соболя, соловья, бегемота и многих других» (Рахилина 2000: 176).

Это объясняется тем, что цветовой признак для объектов фиксированного цвета с языковой точки зрения является нерелевантным.

С этой точки зрения сочетания «*зеленый крокодил*», «*серый волк*» представляют скорее исключения из правила, «...объясняться же такого рода исключения могут как раз семантикой цветов...» (Рахилина 2000: 176).

Например, по гипотезе Е.В. Рахилиной,

«...русское *серый* связано с идеей 'плохо видный'. Отсюда, во-первых, его явно отрицательная оценка (*серый* цвет – безусловно «плохой»), а кроме того – коннотации безликости, стертости... Серые звери, кстати, тоже «незаметные», прячущиеся – мышь, волк, заяц...» (Рахилина 2000: 180).

Очевидно, поэтому НЦ «*серый*» неприменимо для описания собак. В названиях пород животных, имеющих серую окраску, фигурирует чаще НЦ «*голубой*», а не НЦ «*серый*»: «*голубий* велетень» (порода кролей); «норвежская лесная *голубая*», «*blue point*», «русская *голубая*», «британская *голубая*» (породы кошек), так как

«...ни одно сортовое название не характеризуется через негативно оцениваемый зрительный признак» (Сукаленко 1992: 19).

По нашему мнению, отрицательная оценка заложена в НЦ «*серый*», употребляемом для описания неживой природы: *серая* пыль; *серое* (низкое) небо.

Существует мнение, что при описании объектов, входящих в состав группы «фауна», указание на зеленый цвет также несет негативную информацию. НЦ «*зеленый*» в русском языке, как и в украинском,

«...характеризует пресмыкающихся и земноводных, ср.: *зеленый* крокодил, *зеленая* лягушка. По сравнению с украинским русское *зеленый* не так широко сочетается с названиями насекомых, и в целом эта зона в русском кажется менее разработанной, чем в украинском, но «центральные» сочетания типа *зеленая гусеница* или *зеленые жуки* в русском тоже вполне приемлемы. Все эти животные метафорически используются как отрицательные персонажи... Таким образом, сам факт, что *зеленый* обслуживает эту область фауны, показателен и свидетельствует о том, что это прилагательное тяготеет к отрицательной оценке» (Рахилина 2000: 187).

Подобные выводы кажутся нам весьма спорными, так как существуют сочетания, в которых НЦ «зеленый» нейтрально: *зеленый* попугай, *зеленый* ара, *зеленый* кузнечик.

НЦ «зеленый» («зеленый»), как и НЦ «желтый» («жовтий») могут употребляться также для описания цвета глаз зверей – волков, тигров, кошек и т.д. Заметим, что желтые глаза зверей с точки зрения носителей языка выглядят агрессивнее, чем нейтральные зеленые.

В русском, украинском и английском языке «растительные» контексты НЦ «зеленый» могут быть нейтральны. Например, русское прилагательное «зеленый» используется для обозначения цвета живой растительности (*зеленая* трава, *зеленая* листва).

«Такая растительность называется производным от *зеленый* существительным *зелень*. При этом, так же, как и в украинском, *зеленый* подразумевает именно живые а не скошенные или высушенные растения. Поэтому даже только что сорванная или скошенная трава – т.е. трава, которая заведомо никак не отличается по цвету от растущей, никогда не называется *зеленой* (например, применительно к ней нельзя сказать прошел по *зеленой* траве). Ср. характерное еще *зеленый* (о растениях) в значении ‘уже сорванный // срубленный, но пока все-таки живой’» (Рахилина 2000: 181).

Также НЦ «зеленый» используется для описания плодов растений.

«Разумеется, в реальной жизни зрелые плоды могут быть самого разного цвета, ср. хотя бы цвет спелых яблок или винограда. Однако в русской языковой картине мира *зеленый* ассоциируется не с конечной, а с начальной стадией созревания...» (Рахилина 2000: 182),

то есть означает, что плод еще не пригоден для еды. При этом НЦ «зеленый» несет негативную информацию, связанную с идеей незавершенности.

НЦ «желтый» можно считать своеобразным антонимом к НЦ «зеленый», так как он прежде всего описывает цвет увядания растений: *желтые* листья, *желтая* трава; *жовте* огудиння, *жовте* листья. При этом цвет листьев осенью в действительности может быть самым разным – красным, оранжевым, бурым.

Если в ситуации с НЦ «зеленый» часто встречается метонимический перенос цвета листьев на цвет растения в целом и занимаемые ими пространства: *зеленые* деревья /лес/ поля (*green wood*; *зелені* долины, *зелені* береги), то здесь область метонимии очень ограничена. Так, цвет листвы переносится на растения целиком (*желтые*

листья => *желтые* кусты, деревья), но скорее не на пространства, которые они занимают, ср.: *желтый* лес (овраг, долина) и др. В этом случае чаще используется НЦ «золотой»: *золотой* лес, *золотое* поле, *золотая* нива. В украинском языке НЦ «*жовтий*» может использоваться также и для описания пространства:

«Літом пекучі вітри випалюють все навкруги, і на *жовтих* пагорбах шумлять гіркий полин, *жовті* трави, колюче будячиння» (Бусел 2001: 171).

Е. В. Рахилина считает, что

«...*желтеть* вообще не применимо к плодам, ср: ??пшеница *пожелтела* (в значении 'созрела'), а также термин *восковая* спелость, использующий *восковой* как квазисиноним к *желтый*...» (Рахилина 2000: 183).

В английской картине цвета, напротив, данная фаза спелости обозначается словосочетанием, в котором содержится указание на желтый цвет – «*yellow ripeness*». В украинском языке употребляются два термина: «*воскова стиглість*», «*жовта стиглість*».

При описании объектов неживой природы НЦ «*желтый*» и «*зеленый*» тяготеют к отрицательной оценке.

«Даже вода, в случае, если она называется *зеленой*, является не чистой, не проточной и не пригодной для питья. *Зеленая* вода описывает зацветшую, с запахом, воду болота или старого пруда... Прилагательное *желтый* со словом вода практически не сочетается...», впрочем, может быть употреблено «...со скрытой отрицательной оценкой» (Рахилина 2000: 188).

Кроме того,

«...русское *желтый* не применимо к (положительным!) золото и солнце...» (Рахилина 2000: 185).

Вместо НЦ «*желтый*» в этом случае употребляется НЦ «*красный*»: *красное* солнышко, *червоне* золото.

Сочетаемостная картина английского НЦ «*green*» сходна с сочетаемостными картинами русского «*зеленый*» и украинского «*зеленый*». Так, в «Англо-русском словаре» В. К. Мюллера подаются следующие значения прилагательного «*green*»: покрытый зеленью (растительностью); неспелый (Англо-русский словарь 2002: 341). Застоявшаяся, зацветшая вода также описывается с помощью НЦ «*green*» – *green scum*.

«В цвете» последняя (и поэтому положительная) стадия созревания плодов в целом представляется в русском и украинском языках как «краснеть» (*червоніти*) – ягоды *краснеют*, яблука *червоніють*, – что также подтверждает «положительность» красного цвета при описании природных объектов.

«Чернеть... подразумевает процесс замерзания или гниения, а не созревания, ср.: *после вчерашних морозов ягоды на кустах почернели* = 'замерзли и испортились'...» (Рахилина 2000: 183).

Вообще НЦ «черный» тяготеет к отрицательной оценке. Например, в украинском языке НЦ «чорний» может использоваться в составе таких фольклорных сочетаний, ассоциирующихся с предчувствием несчастья и смертью: «чорний крук», «чорна могила» (Бусел 2001: 352).

Также при описании природных объектов НЦ «чорний» употребляется в значении «густой, темный, непроглядный», то есть «потенциально опасный»: «чорний дощ», «чорний дим», «чорне море», «чорна темрява» (Бусел 2001: 353).

Интересно, что в русском и украинском языках НЦ «белый» (*білий*) – одно из редких цветообозначений, которые при описании природных объектов могут нести положительную информацию («белая голубка» – символ чистоты и кротости). Также НЦ «белый» может не содержать оценочного компонента: *белое* облако; *білий* сніг, *білі* ночі (ср. англ. *white frost* – иней, *white horses* – барашки на море). В английском языке НЦ «white» иногда употребляется для описания негативных явлений (*white night* – бессонная ночь).

НЦ «синий» и «голубой» могут употребляться для описания моря и неба (*синее* море; *синее* // *голубое* небо), причем они

«...являются здесь привычными, застывшими эпитетами, в значительной степени потерявшими свою свежесть как цветообозначения» (Бахилина 1975: 264).

Е. В. Рахилина также отмечает, что

«... «нейтральное» море в русском языке *синее*, небо – *голубое* или *синее*» (Рахилина 2000: 194).

По-видимому, аналогичная ситуация наблюдается в английском и украинском языках (*синее* море, *блакитне* небо; the *blue* sea, sky – *синее* море, небо).

Интересно, что в русском и украинском языках для описания природных объектов не употребляется прилагательное «коричневый» («коричневий»).

«Про природные объекты говорят в таких случаях *бурый, темный, черный, рыжий* – в зависимости от оттенка: *бурая земля, рыжий кот, темные стволы деревьев*. Обратим внимание, что прилагательное *бурый*, напротив, употребляется для обозначения естественных цветов и поэтому практически не описывает артефакты, к такому же употреблению тяготеет и русское *рыжий*» (Рахилина 2000: 178).

Аналогично НЦ «бурый» в русском и украинском языке ведут себя такие НЦ, как «вороной» («вороний»), «караковый» («караковий»), «гнедой» («гнідий»), «соловий» («соловий»), «чалый» («чалий»), которые, как известно, употребляются только для обозначения масти лошади. Так, лошадь черной окраски с темно-бурым отливом называется караковая; лошадь черной окраски – вороная; желтоватая с белесоватым отливом – соловая. Что касается английского языка, то, по нашим наблюдениям, для обозначения масти лошади могут использоваться как специальные цветообозначения («*bay*» – гнедой; «*tan*» – каурый), так и «основные» НЦ («*black*» – вороной).

При описании объектов, входящих в категории «флора», «фауна», «неживая природа» употребляется довольно ограниченный круг слов-цветообозначений (черный, белый, серый, рыжий, бурый, красный, желтый, зеленый, синий, голубой).

Языковая картина мира здесь выглядит так, что существуют прототипические цвета для определенных объектов, но все это как бы не имеет непосредственного отношения к действительности – наши представления о данных реалиях конвенциональны (следовательно встроены в семантику лексемы) и не отражают реального положения дел.

В категории продуктов питания рассмотрим цветообозначения, используемые в кулинарии для описания не только продуктов, но и блюд, которые, как отмечает А. П. Василевич, занимают промежуточное положение между естественно-природными реалиями и артефактами (Василевич 1987: 46).

Интересно, что в целом слова, несущие информацию о цвете, в названиях пищевых продуктов встречаются довольно редко (например, в предметном указателе «Книги о вкусной и здоровой пище» всего 21 из 988 названий содержит слова-цветообозначения). Вероятно, это обусловлено тем, что цвет пищевого продукта может

измениться в процессе последующей обработки, а значит становится несалиентным признаком.

Прилагательные-цветообозначения употребляются в названиях блюд только тогда, когда различия между продуктами одного вида невозможно подчеркнуть с помощью других признаков (соус *белый*, соус *красный*, соус *зеленый*), а также

«...когда прилагательное приобретает видообразующую функцию: так, *черный* хлеб и *белый* хлеб, безусловно, обозначают два разных вида продукта, а не представителей одного вида, противопоставленных по цвету» (Рахилина 2000: 175).

И в том, и в другом случае прилагательное цветообозначение и определяемое слово представляют собой устойчивое словосочетание, что позволяет сделать вывод о том, что мы имеем дело не со свободными, а с конвенциональными цветами.

В названиях блюд и пищевых продуктов в английском, русском и украинском языках встречаются прилагательные, содержащие указание на такие цвета, как:

- а) белый (*белая* рыба, *белый* хлеб, *белые* корни, *белое* вино, *белый* соус; *білий* хліб, *біле* вино, *білий* соус; *white wine*, *white shrimp*, *white sauce*, *white rod*, *white coffee*, *white tea*);
- б) черный (*черный* хлеб, *черная* смородина, *черная* икра, *черный* кофе; *чорний* хліб, *чорна* смородина, *чорна* кава; *black beer*, *blackberry*, *black coffee*, *black caviar*);
- в) красный (*красное* вино, *краснокочанная* капуста, *красная* икра, *красная* смородина, *красный* соус; *червоне* вино, *червоний* соус; *червона* смородина; *red beet*, *red bilberry*, *red wine*);
- г) зеленый (*зеленый* горошек, *зеленый* салат, *зеленые* щи, *зеленый* чай; *зелений* борщ, *зеленый* соус, *зеленый* чай; *green bean*, *green pooodle*).

Кроме того, в английском языке в названиях продуктов встречаются НЦ «yellow» (*yellowberry*, *yellow tomato*); «pink» (*pink wine*), «brown» (*brown Windsor soup*, *brown bread*, *brown cheese*), «blue» (*blue cheese*), «gray» (*gray shorts*). В русском языке, равно как и в украинском, для этих цветов зона съедобного осталась «неосвоенной».

Прилагательные-цветообозначения, используемые в кулинарии, довольно точно отражают визуально воспринимаемый цвет (*зеленый* лук, *зеленый* салат, *black caviar*), однако в некоторых случаях выбор слова-цветообозначения весьма условен (*green pooodle*, *белый* шоколад, *біле* м'ясо).

Сравнивая русский, английский и украинский языки, можно прийти к выводу, что названия многих продуктов и блюд в данных языках совпадают:

белая мука – біле борошно – *white flour*,
белое мясо – біле м'ясо – *white meat*,
белый шоколад – білий шоколад – *white chocolate*,
зеленая фасоль – зелена квасоля – *green bean*,
зеленый чай – зелений чай – *green tea*,
зеленый горошек – зелений горошок – *green peas*,
красная икра – червона ікра – *red caviar*,
красное вино – червоне вино – *red wine*,
красный перец – червоний перець – *red pepper*,
черная икра – чорна ікра – *black caviar*,
черная смородина – чорна смородина – *black currant*,
черный перец – чорний перець – *black pepper*,
черный кофе – чорна кава – *black coffee*,
черный чай – чорний чай – *black tea*,
черный шоколад – чорний шоколад – *black chocolate*.

Однако существует также немало различий. Например, далеко не всегда в украинском и русском языках на месте английских прилагательных «*black*» и «*white*» употребляются «черный» и «белый»: *black beer* – темное пиво; *blackball* – мятная лепешка; *white beer* – светлое пиво; *white barley flour* – светлая ячменная мука; *white coffee* – кофе с молоком; *white cookies* – печенье с сахарной глазурью; *white rice* – шлифованный рис; *white sponge* – бисквит. Английское «*brown*» в русском и украинском языках часто заменяется прилагательным «темный», «тощий»: *brown grease* – темный жир; *brown malt* – темный солод; *brown shorts* – тощие отруби (ср. также *brown bread* – черный хлеб).

Несоответствия такого рода могут привести к ошибкам при переводе (ср.: *green noodle* – лапша со шпинатом, а не зеленая лапша; *black malt* – жженный солод, а не черный солод; *gray shorts* – жирные отруби, а не серые отруби; *yellow cake* – бисквит, а не желтый пирог; *red fish* нерка (семейство лососевых), а не красная рыба (семейство осетровых)).

Существенные различия наблюдаются также при описании блюд и пищевых продуктов. Например, в русском и украинском языках НЦ «зеленый» может быть использован для описания испорченных продуктов (*зеленое мясо*, *зеленая колбаса*, *зеленый хлеб*), так как *зеленый* является цветом плесени.

Кроме испорченных продуктов, зеленый описывает употребляемые в пищу плоды растений, однако «...в русской картине мира *зеленый* ассоциируется не с конечной, а с начальной стадией созревания, так что

«*зелен* виноград» означает, что виноград не поспел, а *эти яблоки совсем зеленые* – не то, что яблоки не имеют вкраплений других цветов в своей окраске, а то, что они еще пока непригодны для еды. Существенно, что *зеленый* как «неспелый» применимо не только к тем плодам, которые в процессе созревания действительно находятся в стадии зеленого цвета, но и к любым, еще не спелым, ср. *зеленые апельсины // смородина...* – в этих случаях происходит метонимический перенос данного употребления *зеленый* по функции (хотя, например, неспелая смородина вполне может уже быть темного цвета)» (Рахилина 2000: 183).

«*Желтый*», по мнению Е. В. Рахилиной, вообще не может быть использован для описания готовых блюд (пиво не желтое, а светлое; пирог не желтый, а с золотистой корочкой) (Рахилина 2000: 183). То же верно и для украинского языка (світле пиво, пиріг із золотавою скоринкою). Исключение составляют, очевидно, молочные продукты и мед: *желтое* масло, *желтый* сыр; *жовтий* мед.

Английское прилагательное «*green*» не ассоциируется с испорченными продуктами, хотя в английском языке существует словосочетание «*green rot*» (*зеленая плесень*). Прослеживается тенденция употреблять прилагательное «*green*» в значении «сырой», «молодой»:
green backwash – сырой бекон,
green beer – молодое пиво,
green blood – сырая кровь,
green cheese – молодой сыр,
green dough – недостаточно подошедшее тесто,
green flour – свежесмолотая мука,
green ham – сырой окорок,
green sausage – сырая колбаса,
green wine – вино из незрелого винограда.

В русском и украинском языках при описании продуктов может употребляться прилагательное «*синий*»:

«...о лежалом цыпленке скажут скорее ... *синий*, т.е. как о безжизненном существе, потерявшем естественный вид, а не об испорченном мясе» (Рахилина 2000: 188).

В английском языке, напротив, «*blue*» может относиться к мясу (*blue flesh*).

Белый хлеб и пшеничная мука низкого качества в русском и украинском языках описываются как «*серые*» (*серая мука, сірий хліб*).

Описание объектов с помощью конвенциональных цветообозначений есть факт культурно-исторический и психологический, но не психофизиологический. Для носителя языка цветовой спектр не разбит на непересекающиеся отрезки, которым поставлены в соответствие цветообозначения, поэтому формализация цветообозначений в естественном языке путем апелляции к длине цветовой волны является невозможной.

«Наивная» языковая картина мира здесь выглядит так, что носитель языка описывает цвет объекта, опираясь не на свои цветоощущения, а на свои представления о прототипических цветах для определенных объектов и представления о прототипических объектах и свойствах, являющихся эталонными для данного цвета. При этом наши представления о данных объектах конвенциональны, то есть встроены в семантику лексемы, и не отражают реального цвета объекта.

Таким образом, изучение конвенциональных цветообозначений показывает, что для рядового носителя язык не только отображает, но и фиксирует «наивную» картину мира вообще и цвета в частности, тем самым делая постоянной связь между цветообозначением и свойствами объектов окружающего мира, эмоциями, общественным положением, возрастом, характером человека. А это значит, что цветообозначение для нас – это нечто большее, чем указание на цветоощущение, это часть нашей культуры, закодированная в терминах цвета.

Литература

- Бахилина Н. Б., 1975: *История цветообозначений в русском языке*, Москва.
Бусел В. Т., 2001: *Словник сучасної української мови*, Київ.
Василевич А. П., 1987: *Исследование цветообозначений в психолингвистическом эксперименте: на материале цветообозначения в языках разных систем*, Москва.
Коломієць М. П., 1999: *Словник фразеологічних синонімів*, Київ.
Кульпина В. Г., 2001: *Лингвистика цвета*, Москва.
Мюллер В. К., 2002: *Англо-русский словарь*, Москва.
Рахилина Е. В., 2000: *Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость*, Москва.

- Сукаленко Н. И., 1992: *Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира*, Киев.
- Фразеологический словарь русского языка*, ред. А. И. Молотков, Москва 1999.
- Фрумкина Р. М., 1984: *Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа*, Москва.
- Grzegorzczukowa R., 1990: *Pojęcie językowego obrazu świata*, [w:] *Językowy obraz świata*, red. J. Bartmiński, Lublin, s. 41-48.
- Hornby A., 1998: *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*, London.

Summary

The paper deals with conventional colour names. Designation of colours is likely to be more anthropocentric and ethnocentric than any other sphere of language. Conventional colour names are not based on visual motivation, but on conceptions of native speakers. In contrast to free names of colour they designate different kinds of objects, but not objects of the same kind opposite in colour. Word-combinations containing conventional colour names are set phrases and don't vary. Description of objects with the help of conventional colour names is a cultural, historical and psychological fact. Studying of these names showed that the common speaker doesn't only represent but also fixes the „naive” world picture on the whole and the colour world picture in particular and sets permanent connection between colour names and characteristics of objects, emotions, social position, character of a person etc. It results in the fact that designation of colours is a part of our culture encoded in the terms of colour.